

Александр Житинский

Страсти по Прометею

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Александр Николаевич Житинский
Страсти по Прометею
Серия «Младший научный
сотрудник Петр Верлухин», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170931

Аннотация

«Не имею ни времени, ни желания объяснять, как все получилось, с самого начала. Для этого мне пришлось бы начинать с тех пор, как я себя помню. А может быть, еще раньше. Об этом я, кстати, уже писал. Здесь я хочу объяснить, как я влип в эту историю с Прометеями. Слава Богу, теперь все уже кончилось. Можно осмыслить, если есть чем...»

Содержание

Как все получилось	4
Профессионал пера	13
Ницоцо	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Страсти по Прометею

Как все получилось

Не имею ни времени, ни желания объяснять, как все получилось, с самого начала. Для этого мне пришлось бы начинать с тех пор, как я себя помню. А может быть, еще раньше. Об этом я, кстати, уже писал. Здесь я хочу объяснить, как я влип в эту историю с Прометеями. Слава Богу, теперь все уже кончилось. Можно осмыслить, если есть чем.

А все из-за стремления упрочить жизненное благосостояние! Деньги до добра не доводят. Это мне бабушка говорила. В качестве примера она приводила какую-то денежную реформу. Может быть, еще дореволюционную. Бабушка не хранила деньги в сберегательной кассе и в результате в один прекрасный день извлекла из капронового чулка кучу бумажек, которые еще вчера были рублями. А теперь ими можно было оклеивать стены чулана, что она и сделала. Очень старая история. В то время ни сберегательных касс, ни капроновых чулок не было. Я просто не знаю, что было взамен, поэтому так и говорю.

Однако ближе к делу. Когда у нас в семье появился второй ребенок, мы с женой обрадовались. Она радовалась там, в родильном доме, а я на свободе. Потом мы радовались вместе до моей зарплаты. А когда я принес зарплату домой, же-

на мне в первый раз намекнула, что теперь нужно думать о том, как зарабатывать больше. Нас уже, видите ли, четверо.

Ну, считать я умею. Я сел за стол и стал думать, чего я еще умею такого, за что платят деньги. Только так, чтобы все законно. Разных махинаций я не люблю. Я, по-моему, честный.

– Ночным сторожем, – придумал я.

– Конечно, – сказала жена. – Когда в доме появился грудной ребенок, он хочет сматываться на ночь. Очень на него похоже.

– Куда это ребенок хочет сматываться? – не понял я.

– Это ты ребенок, – сказала жена.

Я стал думать дальше. Идею давать уроки абитуриентам я отверг. Мне не хотелось наводнять наши институты недоброкачественными студентами. Кроме того, я один раз пробовал. Знаю, что из этого получается. Заработанные таким путем деньги у меня лично нервных затрат не компенсировали.

Можно было попытаться переводить с какого-нибудь языка на свой. Если это кому-нибудь нужно. Но для этого предстояло сначала выучить язык. И чужой, и свой заодно тоже. Вы сами уже убедились, что со своим языком я еле-еле справляюсь.

– В дворники тебя не возьмут, – сказала жена, следя за ходом моей мысли. – У тебя высшее образование.

– А что, туда только с аспирантурой берут? – обиделся я.

– Жалко, что оно у тебя есть, – продолжала жена. – Толку от него все равно мало. Сейчас бы ты устроился слесарем, и мы бы горя не знали.

– Слесарь – это что? – поинтересовался я. – У станка, что ли? Кстати, есть такой слесарный станок или нет?

– Кажется, нет, – вздохнула жена.

Я стал рассказывать ей для примера, какие еще существуют способы. Один мой знакомый ездил каждое лето куда-то далеко строить. Он сколачивал бригаду научных сотрудников, и они отправлялись в Сибирь. Или на Сахалин. В общем, чем дальше, тем лучше. Там они строили разные штуки колхозам. Будто бы они студенческий строительный отряд. Колхозам, как я понял, было наплевать, кто они на самом деле. Лишь бы они построили клуб. Или свинарник. Или детские ясли. Мой знакомый строил им эти самые ясли в кратчайший возможный срок. Вкалывали они там, как негры, а зарабатывали значительно больше. Три кандидата наук, один архитектор, чтобы свинарник не завалился, и четверо на подхвате. Круглое катать, плоское таскать. Но к ним было не устроиться, конкурс большой. Если бы я был бульдозеристом, они бы взяли. Им бульдозериста как раз не хватало. Но я бульдозер знал только внешне и немного принцип действия.

Другой мой знакомый стучал на барабане. Он состоял в эстрадном ансамбле. Этот ансамбль сохранился со студенческих лет. Все уже повзрослели, опять же стали кандидатами,

но все равно продолжали с увлечением мотаться по пригородам и играть на танцевальных вечерах. Им нужен был не бульдозерист, а певец, чтобы умел петь. Певец из меня такой же, как бульдозерист. Дальше можно не продолжать, все ясно.

Я вдруг с тоской осознал, что ничего не умею делать в этой жизни полезного людям.

Да, чуть не забыл! Один вообще уникально подрабатывал. Он красил шпили. У нас много шпилей в городе, и платят, наверное, здорово. По специальности он был микробиолог. Вдобавок, альпинист. Он залезал на шпиль и красил его часами. А другой микробиолог подавал на веревочке краску в ведре. Он получал меньше. Потом он упал – тот, что наверху работал. Деньги до добра не доводят. Правильно бабушка говорила.

Жена выслушала печальную повесть про микробиолога и спросила:

– Может быть, тебя повысят на работе?

Я ей объяснил, что она плохо представляет себе механизм повышения в нашем институте. Для того, чтобы повысили меня, нужно, чтобы сначала повысили ректора. Или чтобы с ним, не дай Бог, что-нибудь случилось. Тогда на освободившееся место ректора назначается его заместитель. На место заместителя назначается наш декан. И так далее, пока не дойдут до ассистентов. Кого-то из них двинут в доценты, а меня сделают ассистентом. Это напоминает игру в «пятна-

дцать». Строгая очередность номеров и терпение.

– Защищай диссертацию, – сказала жена.

Наконец-то она произнесла это слово! Я его, между прочим, с самого начала ждал. Мне с этой диссертацией давно покоя не дают. А я ее принципиально не защищаю, потому что науке от этого никакой пользы не будет, а государству только вред. Оно будет вынуждено кормить еще одного кандидата. Их и так развелось, как сусликов. Давно пора произвести отлов и сортировку.

Нет, я хотел зарабатывать деньги честно. Я уже об этом говорил. А тут какие-то фокусы с этим званием... В самом деле, был я вчера младшим научным сотрудником. А сегодня, допустим, защитил диссертацию. Так что же – у меня в голове что-нибудь переключилось на повышенные обороты? Или я сразу поумнел на пятьдесят процентов? Или аппетит у меня возрос?

За что, спрашивается, мне вдруг начинают платить как водителю автобуса первого класса?

И главное, платили бы, когда я работу делал. Пот проливал. Точки на график наносил. За рецензентами бегал. Так нет.

Деньги начинают платить, когда ты после защиты переходишь на отдых. Теперь можно до пенсии стирать пыль с ушей, собирать марки, разводить рыбок, играть на ксилофоне, ездить в капиталистические страны, спать на ученом совете, меняться квартирами и лечить гастрит.

Зарплата будет идти аккурратно, как часы «Полет» на двадцати трех рубиновых камнях.

Жена наконец поняла, что попала в мое больное место.

– Пеленки мокрые, – сказала она. – Пойди постирай.

Я отправился в ванную с мокрыми тряпочками подмышкой, все еще бормоча филиппики против кандидатов. В общем, ничего я в тот вечер не придумал. Сплошные филиппики и ни одной разумной идеи.

Тогда я стал спрашивать народ на кафедре, нет ли где какой халтуры. Мне все сочувствовали, предлагали денег взаймы, но я отказывался. Я думал о будущем, когда придется эти деньги отдавать своими руками. Эта мысль вызывала повышенное уныние.

Дня через три меня вызвал заведующий кафедрой. Наш отец и благодетель. Он весело посмотрел на меня и усадил мягким жестом.

– Петр Николаевич, – начал он осторожно, чтобы не ущемлять мое самолюбие. – Я читал вашу статью в стенгазете относительно перспектив лазерной техники. Дельно, увлекательно... У меня есть к вам предложение.

Я сразу успокоился. Предложение – это не втык. Это приятно.

– Один мой знакомый попросил меня подобрать кандидатуру молодого физика. Энергичного. С широким кругозором. С воображением...

«Да не тяните вы кота за хвост» – дерзко и уважительно

подумал я. Меня очень заинтересовало, кому это нужен молодой физик с широким и энергичным воображением? И зачем?

Как вскоре выяснилось, требовался специалист для консультаций. Некий журналист со странной фамилией Симаковский-Грудзь намеревался осуществить на студии телевидения цикл научно-популярных передач по физике. Однако, насколько я понял, он в этом деле не очень петрил. Зато непринужденно владел пером. А я непринужденно владел физикой. Получалось, что вместе мы можем написать грамотный и увлекательный сценарий.

– Хорошо, – сказал я. – Я попробую.

– Попробуйте, попробуйте, – сказал завкафедрой, будто угощал меня кексом собственного приготовления.

На следующий день мне позвонил Симаковский-Грудзь.

– Говорит Симаковский, – сказал он. – Мне Верлухина.

– Я Верлухин, – сказал я.

– Очень приятно, – сказал Грудзь. – Надо встретиться, старик.

– Давай, старик, встретимся, – согласился я. Я решил с самого начала держаться на равных.

Мы встретились вечером у памятника Пушкину. Так почему-то захотелось Симаковскому. Чтобы Симаковский меня узнал, я держал в руках журнал «Иностранная литература».

Симаковский подошел вместе с каким-то стариком в бе-

рете. Старик на ходу размахивал руками, задира л лицо к небу и что-то говорил Симаковскому. Сам Симаковский был небольшого роста человеком с желтым лицом и аристократическими пальцами. Когда он улыбался, обнажалась уйма крупных, как патроны, коричневых зубов.

– А вот и коллега, – сказал Грудзь, протягивая мне узкую ладоньку. – Юрий, – сказал он. – Андрей Андреевич Даров, наш режиссер, – представил он старика.

– Очень рад, – приветливо сказал старик, помахивая седыми бровями.

– Андрей Андреевич – автор идеи, – сказал Симаковский.

– Ну-с, с чего начнем, друзья мои? – приподнято спросил Даров.

– С идеи, – предложил я. – Я ничего про идею не знаю.

– В таком случае, простите. Может быть, я буду повторяться. Много я уже говорил Юрию Павловичу, – обратился Даров сначала к Симаковскому, а потом ко мне. – Пойдемте прогуляемся.

И мы пошли прогуливаться, окружив Дарова с двух сторон вниманием. Даров говорил, поворачиваясь то ко мне, то к Симаковскому, дергая руками, а иногда на полном ходу останавливаясь, когда его поражала какая-нибудь мысль. Мы с Симаковским по инерции проскакивали вперед, но тут же замечали отсутствие старика и оборачивались. Даров стоял посреди улицы, хлопая себя ладонью по лбу, и повторял:

– Какой поворот! Какой замечательный поворот!

Он имел в виду поворот темы. И мы шли дальше, обсасывая идею. Даров оказался чрезвычайно увлекающимся человеком. Слава Богу, что дело происходило летом. А то бы мы замерзли, наверное, насмерть, потому что гуляли до полуночи. Даров незаметно перешел на стихи и читал нам Пушкина. Он читал громко и выразительно. Симаковский воспитанно прикрывал рот, зевая. Ему хотелось спать. Я трепетал, соприкоснувшись с миром творческих работников.

В голове у меня скакали мысли о Прометее.

Профессионал пера

Несколько слов о Прометее. Я буду пересказывать своими словами миф, который поведал нам Даров. Не думайте, что вы все знаете о Прометее. Я тоже так думал, а зря. Прометей! Любимец богов!.. Никакой он не любимец. Совсем даже наоборот.

Еще раз подтвердилось, что невежество не знает границ. Поэтому я и расскажу миф о Прометее, чтобы не возникало потом путаницы.

Так вот. Прометей не был человеком. Он был титаном, а следовательно, бессмертным. В свое время он оказал какие-то услуги Зевсу, а потом отошел от политики и стал заниматься наукой. Люди в то время были совершенно дикие. Впрочем, как и сейчас. У них даже огня не было. Прометей очень полюбил обыкновенных смертных. Таких, как я. Совершенно непонятно, за что. Наверное, из сострадания.

Он выкрал у богов огонь и подарил его людям. Это первое. Возможно, это сошло бы ему с рук, если бы он не пошел дальше. Но Прометей научил людей ремеслам и наукам. Это второе. Ввел понятие медицины. Построил первый корабль и дал людям искусство. Это, кажется, последнее.

Про искусство я не совсем четко представляю. Как он его дал? В какой, так сказать, форме? Но это, к счастью, не важно.

Конечно, Прометей работал на пустом месте, поэтому успел так много сделать. Кроме того, он имел кучу времени, поскольку был бессмертен. Но в конце концов его деятельностью заинтересовался Зевс. Люди к тому времени немного обнаглели, получив столько знаний. Знания в этом смысле отрицательно сказываются на характере.

Зевс приказал прибить Прометея к скале. Его прибили. Умереть он физически не мог, а мучиться – сколько угодно. Он лежал на скале, и каждое утро прилетал орел, который терзал ему печень. Продолжалось так я не знаю сколько, но долго. Потом Прометея освободил Геракл, но это уже к моей истории не относится.

В результате всего вышеизложенного Прометей стал собирательным типом. А огонь Прометея стал символом служения людям.

Кстати, цикл наших передач так и должен был называться: «Огонь Прометея». Схема была такая: мы с Грудзем пишем сценарий на 45 минут из какой-нибудь области физики. Рассказываем, кто ее двигал с самого начала, а потом дальше. Останавливаемся на Прометеях: Ньютон, Эйнштейн, Мария Кюри и прочие. А в конце передачи выступает наш Прометей из той же области физики и рассказывает, как он сейчас двигает науку вперед. Было одно условие: не ниже доктора наук. Кандидаты наук на роль Прометеев не годились.

– Служение людям! – воскликнул Даров, когда мы гуляли. – Цель творчества – самоотдача... Знаете, чьи это стихи?

– Безусловно, – кивнул Симаковский.

– Не помню, – кивнул я. Не люблю интеллектуальных тестов.

Словом, Даров нас настроил эмоционально. Настолько эмоционально, что Грудзь на следующий же день запил. Конечно, он не так примитивно запил, как большинство. Грудзь красиво запил, интеллигентно. Он пил коньяк.

Я пришел к нему, как мы условились. У Симаковского была однокомнатная квартира убежденного холостяка. На стенах висели афиши цирковых представлений. Раньше Грудзь писал сценарии цирковых представлений, массовых гуляний и традиционных заплывов. А теперь его потянуло на физику.

– Ты слышал, старик, что сказал старик? – спросил Симаковский, наливая мне коньяк. – Служение людям! Это мы должны отразить.

– Давай отразим, – сказал я.

– Прием! – закричал Грудзь. – Главное – найти прием! Представь себе – мы пишем про фазотрон. Знаешь, кто его изобрел?

– Нет, – сказал я.

– Эх, ты! Физик... – сказал Симаковский. – Ну, ладно. Не будем про фазотрон. Будем сначала про эти... Маленькие такие...

– Электроны? – спросил я.

– Нет. Ква... ква... – заквакал Грудзь.

– Кванты, – догадался я. – А ты что, старик, их видел ко-

гда-нибудь? Почему ты решил, что они маленькие?

– По телевизору показывали, – сказал Симаковский. – Маленькие, круглые и светятся. На каждом крестик стоит.

– Это протоны, – с тоской сказал я.

– С тобой не договоришься! – закричал Симаковский. – Кто их изобрел?

– Планк, – сказал я, чтобы не запутывать Симаковского.

Симаковский задумался. Он пошевелил губами, произнося про себя трудную фамилию. Потом он хлопнул рукой по колену.

– Бланк! – сказал он. – У меня был друг Женя Бланк. Тоже головастый мужик. Мы с ним в Саратове устраивали гастроли львов. Понимаешь, полный стадион народу, и прямо на футбольное поле вертолет выгружает дюжину львов!.. Нет, шестерых. Все равно страшно. Дрессировщик запутался в веревочной лестнице, а львы побежали к трибунам. Так Женя Бланк встал грудью и, пока дрессировщик распутывался, гонял львов туда-сюда по площадке. Он был материально ответственный за мероприятие.

Симаковский рассказал до конца эпопею со львами, а заодно прихватил похождения Бланка в Казахстане с аттракционом «Гремучие змеи». Этот Бланк в самом деле был рискованым человеком.

– Давай, старик, начнем писать сценарий, – предложил я.

– Про что? – спросил Симаковский. – Тему выдвигай ты. Мне все равно. Только учти: служение людям... Кстати, ты

как консультант будешь получать тридцать процентов.

– А сколько это в рублях? – спросил я.

– Договор заключат, тогда узнаешь, – сказал Симаковский. – А заключат его по готовому сценарию. Соображаешь? Времени у нас в обрез. Одна неделя.

– А где мы возьмем Прометея? – спросил я.

– У тебя есть знакомый доктор?

– Шеф у меня доктор, – неосторожно сообщил я.

– Гениально! – воскликнул Грудзь. – Доктор – значит, Прометей!

Я мигом себе представил лицо шефа в рамке телевизора. У меня энергичное воображение. Картина получилась настолько нелепой, что у меня потеплели уши.

– Он не пойдет, – сказал я.

– Пойдет, – заявил Симаковский. – Дадут полтинник, и пойдет! Чем он занимается?

– Рассеянием электронов на примесях, электрон-фотонным взаимодействием... – начал перечислять я.

– Кто его изобрел?

– Никто его не изобретал. Оно всегда было, – сказал я.

Откровенно говоря, я боялся называть фамилии. Во-первых, там все очень запутано, а во-вторых, у Симаковского с его общительностью вполне могли оказаться знакомые одноклассники.

– Ладно, – сказал Симаковский. – Прометеев найдем после.

Он поставил на стол пишущую машинку, заправил в нее четыре листа бумаги, переложенные копиркой, и отстучал заголовок:

Ю. П. СИМАКОВСКИЙ-ГРУДЗЬ

«ОГОНЬ ПРОМЕТЕЯ»

Симаковский раскрыл скобки и спросил:

– Как называется наука?

– Физика твердого тела, – сказал я.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Симаковский. – Надо же! Твердого тела!

Это ему очень понравилось. Он написал «физика твердого тела», закрыл скобку и несколько раз перевел рычаг.

– Слева пишем, что показывать. Справа – что говорить, – сказал он и понесся дальше.

На всей первой странице он решил показывать огонь крупным планом. При этом диктор должен был излагать легенду о Прометее. Ту, которую я уже излагал. У Симаковского она получилась красочнее. Прометей у него был прибит к мрачной, выжженной солнцем скале, а орел выглядел совсем несимпатично. Орел был явно фашистского вида.

– Чем ты работаешь? – бросил через плечо Симаковский.

– Головой, – сказал я.

– Да не то! Прибор там у вас есть какой-нибудь?

– Лазер, – сказал я. Это была первая данная мною консультация.

Симаковский отбарабанил слева: «Лазер крупным планом». Справа он написал большими буквами: ВЕДУЩИЙ. И остановился. Далее должен был следовать текст ведущего.

Грудзь набил трубку и закурил. Начиналось подлинное творчество. Трубка не помогла, и Симаковский выпил коньяку. Коньяк помог. Грудзь написал: «Мы с вами находимся в лабо-». Строчка кончилась. Страница тоже. Он вынул закладку и полюбовался ею. На странице не было ни единого исправления. Грудзь был настоящим профессионалом пера. Даже еще лучше. Он был профессионалом машинки.

– Знаешь, сколько это стоит? – спросил он. – Примерно пятнадцать рублей.

Я мысленно взял тридцать процентов. Получилось четыре пятьдесят. Такова была стоимость слова «лазер», произнесенного мною. У меня в желудке образовался комочек холода, потому что я решил, что занимаюсь жульничеством. Не знаю, может быть, оперные певцы за свои слова получают и побольше. Но они их поют.

– Хватит на сегодня, – сказал Симаковский.

Он вручил мне один экземпляр страницы с легендой о Прометее, и мы расстались. Я вышел от Симаковского, и уже на лестнице мне почему-то захотелось послать это дело подальше. Впоследствии таких минут становилось все больше.

Еще через день я позвонил Симаковскому, чтобы продолжить работу над сценарием. К этому времени я уже кое-что придумал и раскопал корифеев физики твердого тела. Тех, которые уже отдали себя человечеству полностью, и других, у которых еще что-то осталось отдать. Шефу я ничего пока не говорил.

Я позвонил, но Симаковского не оказалось дома. Не оказалось его и спустя сутки, потом двое и трое. Я встревожился. Мне пришла в голову печальная мысль, что Грудзь умер. Зря он все-таки умер, не успев отразить служения людям!

Еще день я соблюдал траур, а потом на душе стало легко, потому что все разрешилось само собой. Хорошо, что я ничего не сказал шефу!

Кончалась отведенная Грудзем неделя на сотворение сценария. Еще немного, и я был бы вне опасности. Но тут мне позвонили на работу со студии.

– Мы ждем завтра сценарий, – сказал женский голос.

– С кем я говорю? – спросил я.

– С редактором передачи. Моя фамилия Морошкина. Зовут Людмила Сергеевна.

– А где Симаковский? – спросил я.

– Как где? – удивилась трубка. – Это вы сами должны знать. Как у вас со сценарием? Передача включена в план. Сценарий должен быть завтра в четырнадцать на столе у главного. До свидания!

Из этой речи мне очень не понравились следующие слова:

«план» и «на столе у главного». Такими словами не шутят. Я понял, что завтра в четырнадцать на столе у главного будет лежать нечто, называемое сценарием. Оно будет лежать там, даже если обоих авторов уже не будет в живых. Даже если произойдет наводнение или на город свалится метеорит. Такова сила слова «план».

Я поехал к Грудзю и до ночи ждал его у дверей квартиры, чем возбудил подозрение соседей. Они по очереди звонили дверными цепочками и высовывали носы из щелей. Им очень не понравилось, что какой-то тип прогуливается по лестничной площадке. На мои вопросы о Симаковском они поспешно захлопывали двери.

Когда я вернулся домой, жена подала мне телеграмму: «СРОЧНО ВЫЕХАЛ ИРКУТСК ТЧК ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ СДАЙ САМОСТОЯТЕЛЬНО ТЧК ПРИВЕТ СИМАКОВСКИЙ».

- Привет, – сказал я. Телеграмма была из Казани.
- Связался с Грудзем – полезай в кузов, – сказала жена.
- Ненавижу каламбуры! – сказал я.

Ницоцо

Первый сценарий я писал от полуночи до шести утра. Шесть часов я, как Прометай, отдавал себя людям. Слева я писал, что показывать, справа – что говорить. Ни разу не перепутал. В кроватке светилось спящее личико сына. Оно меня вдохновляло.

Перед своим мысленным взором я поместил экран телевизора и старался заполнить его интересной информацией по физике твердого тела. Чтобы зрители не очень скучали, я включил в сценарий музыку Баха, стихи Ломоносова, репродукции полотен кубистов и песни Таривердиева. Время от времени, следуя заветам Симаковского, я показывал огонь крупным планом.

В сценарии было очень много служения, горения и отдавания себя людям.

Летняя ночь давно кончилась, когда я написал: «Мы попросили доктора физико-математических наук Виктора Игнатьевича Барсова рассказать о сегодняшнем дне физики твердого тела». «На экране В. И. Барсов», – добавил я слева. «Здравствуйте, шеф!» – виновато пробормотал я.

И тут заголосил сын. Жена встрепелулась, взглянула на меня и сказала:

– Ты что, рехнулся? Тебе же сейчас на работу...

– Знаешь, сколько это стоит? – спросил я, как Симаков-

ский, потрясая исписанными листами.

– Сколько? – спросила жена, просыпаясь по-настоящему.

– Не знаю, – сказал я. – Вероятнее всего, это бред. Но я сделал все, что мог.

Я пришел на работу и спал там до обеда в фотолаборатории. Потом меня разбудила лаборантка Неля, я отпросился у шефа и поехал на студию. Шеф уже знал, что я сотрудничаю на телевидении по рекомендации заведующего кафедрой. Поэтому он не чинил препятствий.

На студии в бюро пропусков мне выдали жетон и сказали, в какую комнату идти. Я пришел в эту комнату.

Это было длинное помещение, уставленное письменными столами. Между ними бегали люди, натываясь друг на друга. Каждый делал какое-то свое дело. В конце помещения находилась дверь, на которой было написано «Главный редактор». Справа, у окна, сидел юноша с длинными волосами и смотрел через стекло в небо. Глаза его выражали тоску и отчаянье. Время от времени юноша отрывал взгляд от неба и что-то писал на бумажке.

Слева у стола сгрудились какие-то люди, каждый из которых держал перед носом лист бумаги. Они напоминали хористов на спевке. В центре группы находился человек азиатского вида. Ему в ухо непрерывно шептала девушка. Азиатский человек блаженно шурился, кивал и повторял одно загадочное слово:

– Ницоцо... Ницоцо...

Вскоре я понял, что могу проторчать здесь весь день, но никто не обратит на меня внимания. Меня обходили, как неодушевленный предмет. Как несгораемый шкаф или доорическую колонну. Никто на меня даже не смотрел, поэтому трудно было начать расспросы.

Внезапно дверь главного редактора распахнулась, и оттуда вылетела растрепанная, как воробей, женщина. Она ринулась к графину с водой, на ходу распечатывая пачечку таблеток. Руки у нее дрожали. Она забросила таблетку в рот и запила водой. После этого женщина беззвучно выругалась. Я даже понял, каким словом. Повторять его не буду.

Она уже хотела броситься обратно, но взгляд ее упал на меня. Я уллучил момент и быстро проговорил:

– Мне нужна Морошкина Людмила Сергеевна.

– Морошкина... – как бы вспоминая, повторила женщина. – Морошкина... Это я.

И она вдруг залилась истерическим смехом, потом рухнула на стол и забилась в рыданиях. Никто из присутствующих на это не прореагировал. Только одна из окружавших азиатского человека женщин подошла к Морошкиной, поставила перед ней стакан воды и сказала басом:

– Люсенька! Нельзя же так убиваться из-за этого монстра.

Морошкина подняла голову и вытерла платочком слезы. Потом она нашла в себе силы улыбнуться мне. А я нашел в себе силы улыбнуться ей. Мы улыбнулись. Морошкина, когда улыбалась, была ничего, симпатичная. Но улыбалась она

редко. Такая у нее была специфика труда.

– Я Верлухин, – сказал я. – Принес сценарий.

Морошкину будто подбросила катапульта. Она прыгнула ко мне и выхватила сценарий. Первую страницу, отпечатанную на машинке Симаковским, она проглотила, как голодающий, не пережевывая. На второй странице она споткнулась.

– Почему от руки?! – взвизгнула Морошкина.

– А от чего нужно? От ноги? – безмятежно пошутил я.

Морошкина первый раз достаточно внимательно посмотрела на меня. Она оглядела меня с головы до ног. Осмотр ее, по-видимому, удовлетворил. Внешне я производил впечатление нормального человека.

– Вы что, первый раз? – уже сочувственно спросила она.

– Угу, – сказал я, краснея. Всегда немного стыдно, когда делаешь что-то в первый раз.

– Пойдемте! – скомандовала Морошкина. – Быстрей!

И мы понеслись куда-то по коридорам студии. Встречавшихся людей мы обходили, как слаломисты обходят палочки с флажками. Жалко, что не было лыжных палок. Два раза я чуть не упал и все-таки умудрился угодить головой в живот какому-то дяде. Как позже выяснилось, народному артисту республики.

Мы примчались в машинописное бюро.

– Девочки! – вскричала Морошкина. – Спасите! Монстр меня съест!

Она раздергала мой сценарий на листочки и сунула его

пятерым машинисткам. Машинистки открыли беглый огонь. Через пять минут все было кончено. Морошкина сгребла в кучу перепечатанный в шести экземплярах сценарий, и мы побежали обратно. Без трех минут два мы ворвались к главному редактору. Морошкина бухнула ему на стол пачку листов и застыла в ожидании.

– Это что? – поморщившись, спросил главный. Он был мужчиной средних лет. С бородой. В очках. Толстый и, видимо, уверенный в себе. Одет он был с иголочки.

– Это «Прометей», Валентин Эдуардович, – ласково произнесла Морошкина.

– Даров читал? – спросил главный.

– Нет, – пролепетала Морошкина, бледнея.

– Впредь. Чтобы. Сначала. Читал. Даров, – сказал Валентин Эдуардович так мягко, что Морошкина чуть не упала в обморок. Потом главный углубился в сценарий. Он читал профессионально, сверху вниз и наискосок. Лицо его при этом ничего не выражало.

– Ну, ничего, ничего... Принципиальных возражений нет, – сказал он, прочитав. – Покажите Дарову.

Морошкина опять сгребла сценарий, и мы вышли, пятью. За дверью Людмила Сергеевна порозовела и улыбнулась мне:

– Невероятно! Вы что, счастливчик? Обычно первый вариант сценария действует на него, как красная тряпка на быка.

– Значит, я тореадор, – опять пошутил я. Никак я не мог понять, что здесь не все имеют право шутить. Морошкина сразу стала серьезной. Даже грустной.

– Желаю вам сохранить ваш оптимизм, – сказала она.

Мы нашли Дарова в студии. Шел тракт. Тракт – это по-телевизионному репетиция передачи. Даров сидел в аппаратной перед восемью экранами, расположенными в два ряда друг над другом. На всех экранах показывали куриное яйцо крупным планом. На яйце был виден штемпель. Значит, оно было диетическим.

– Уберите штемпель, – сказал Даров в микрофон.

В кадр вошла чья-то волосатая рука и повернула яйцо другим боком. На мой взгляд, принципиально ничего не изменилось. Но Даров остался доволен.

– Так! – сказал он. – Что же дальше? Давайте, давайте!

На экране появилась та же самая рука, но теперь уже вооруженная молотком. Я вдруг понял, что сейчас произойдет что-то страшное. И действительно, рука сделала замах и что есть силы ударила молотком по яйцу. Яйцо вдребезги разлетелось.

– Плохо! – резюмировал Даров. – Никуда не годится! Это вам не гвозди забивать! Зритель на этом месте должен вздрогнуть. Давайте еще раз!

– Андрей Андреевич, осталось одно яйцо, – донесся из динамика жалобный голос.

– Нет, я не могу так работать! – вскипел Даров. – Сколько

вы приобрели яиц?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.